

Примечание: орфография и пунктуация сохранены

Руслан Сидоров

Публикация в литературно-художественном альманахе «Озарение», 2003 (Весна)

* * *

Давным-давно,
Во времена эСэСэСэРа,
Когда ходили в кино
Старушки и пионеры,
Когда автомат газ-воды
Наливал после стука,
Когда не таяли льды
Заполярного круга,
Когда в каждом дворе
Домино и гармошка,
И когда в октябре
Второй курс на картошку,
Когда в май и в ноябрь
Многолюден багрянец,

Когда думал ли я,
Что не выбьюсь из пьяниц.
Когда «Солнечный круг» –
Восхитительно пелось,
Когда знали, что руль
Правит к правому делу.
Когда «русский» – звучало
По-Горьковски гордо,
Когда утра начало
Отмечено горном,
Кто бы знал, что вчера –
Лишь пролог к послезавтра,
Просыпайся-ка, брат,
У нас водка на завтрак.

* * *

Отдыхаю в деревне, варю картошку
Да вдыхаю озон с табаком вперемешку.
Забываю город, работу, более
Того, я забыл про горе.
Каждым утром по лесу бегаю кроссом.
Пахнет августом, армией и березой.
Без будильника точный подъем в полшестого.
Идут на выпас коровы
И мычат, и чешут бока об заборы,
И хозяйки кладут хворостины с прибором.
А в тумане, знаешь, как голос гулок.
Подъем. Ровно в шесть – бегу я.
У меня под участком течет речушка,
И как только из лесу возвращусь я,
Два ведра на грудь, в самом лучшем смысле,
Разом усталость смыли.
И такой мажор, будто это – счастье.
Заварю покрепче и выпью чая.
И такая вкусная первая «прима» –
Даже не знаю прямо.
Денег нет, но нет и проблемы, что покушать.
В огороде растет любая петрушка.
Сигарет и чаю привез бесчисленно,
Книги есть, а чего еще-то?
А потом мне расскажет свое Бертран Рассел,
Мы уже добрались с ним до Мора с Эразмом.
Сам себе удивляюсь, мне все понятно.
Чернеют белые пятна.
А когда стемнеет, курю на крылечке,
Наблюдаю звезды сквозь дыма колечки.

Подойдет овчарка, щеку полижет
И рухнет ко мне поближе.
Одиночество, знать, и собакам знакомо.
Мы вдвоем, прижавшись, молчим о ком-то
Или ни о ком, просто так молчим мы.
Чистое небо лучисто.

В райкоме рая мне сказали: «Встань
На очередь за спецпайком и нимбом».
И секретарша (ангелица? нимфа?),
Дыша амброзией на треугольный штамп,
Со вкусом припечатала листок.
– Мне б к Самому...
– А он на совещање.
Я протянул ей зеркальце, духи –
Безделки из архива Мандельштама.
Но не взяла, а, улыбнувшись, встала
И прошептала: «Только за стихи...»

Сирень сизокрылая и семь голубей,
Как крупные гроздья под ней понарошку,
Щекотно клевали от булочки крошки
С ладони моей и ладошки твоей.

С той розовой, ласковой, узкой ладошки,
Которую только что дождь целовал.
Неделя для счастья – достаточно долго,
Особенно если живешь одна.

Семь дней, семь ночей и четырнадцать зорь,
Лазоревых зорь сизокрылой сирени.
Неделя для счастья светлей и воскресней
Бракованных лет, обрученных слезой.

Сирень сизокрылая и семь голубей
Щекотно склевали от булочки крошки,
И плыли по лету в плену тополей
В ладони – ладонь.

Нет – в ладони ладошка.

* * *

В мой бок вонзили вилы косари,
В мой лоб вонзил мой рок дубовый рог.

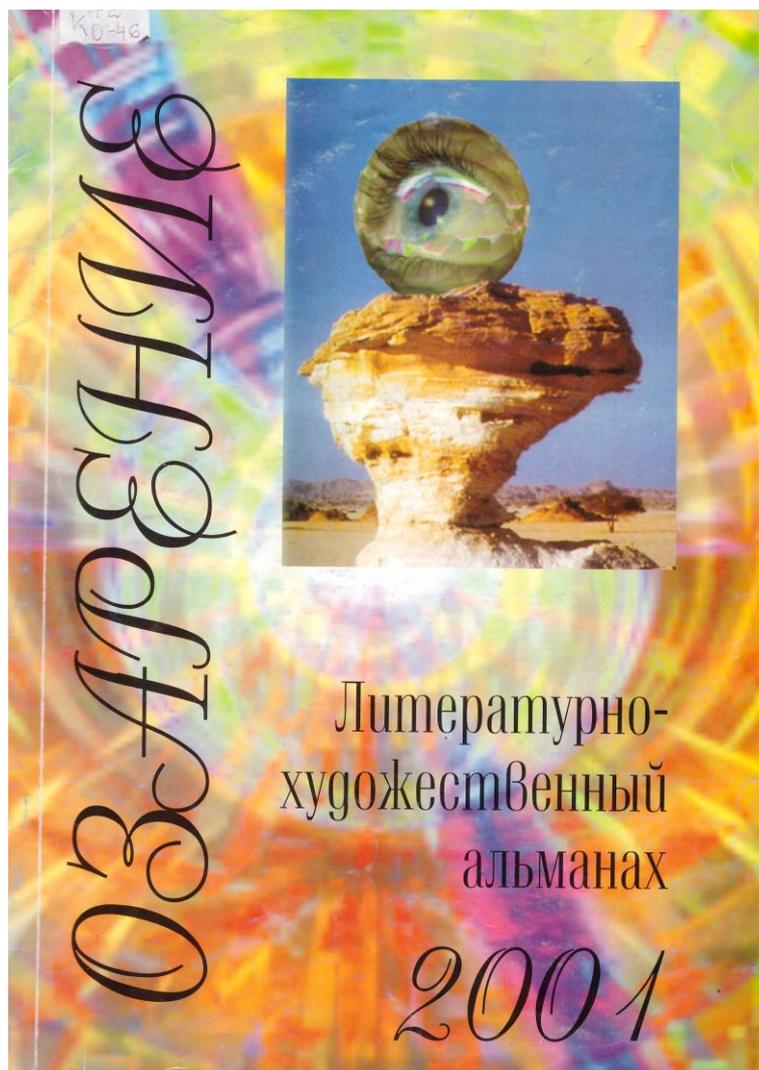
Мне по боку вожди, жрецы, цари,
Мне дорог тот, кто бродит без дорог.
Всем братьям моим, руки распластав,
Довывернут сустав и гвоздь в ладонь.
Распни! – и прокуратор, вдруг устав,
Умоет руки грязною водой.
Процесс закрыт. И мухи на крови
Скользят, но все же лезут глубже в рану.
Держусь. С Голгофы, братья, чудный вид.
Гляжу, уходят с радостным Вараввой.
Рабская смерть – распятие на кресте.
Мы на Христа несколько не похожи.
Последнее, что слышу: «Что ж ты, Боже!»
Прохожий крестится и плачет в темноте.

* * *

Как повеет под вечер полынью духмяной,
Остывая от ржавой жары,
Синий вечер от речки и перечной мяты,
Под сурдинку нудят комары.

Хорошо, босиком огородной тропинкой
(полотенце и веник с собой)
Пробираясь к соседке, что баньку стопила,
Рифмовать на предбанник «любовь».

Будет ночь (самогон и с прослойками сало,
малосольные огурцы)
Нежным словом не больно до сердца касаться,
Как ромашки к подошвам босым.

Примечание: орфография и пунктуация сохранены

Руслан Сидоров

Публикация в литературно-художественном альманахе «Озарение», 2001

Он вынес дверь ударом кулака
Чтоб без звонка, с поличными обоих
И боль, что оказалась в казанках
Была ничто пред предвкушеньем боли
От той картины, что нарисовал
Услужливый талант воображенья
И шока осознания: «Неужели
Сегодня мне придется убивать?»

Был полдень, но она уже спала
Он прочитал, глазам своим не веря:
«Прости меня. Я больше не могла
Меж двух огней: любви и недоверья»

Он повертел безумно бутылек
Пустой и глупо хмыкнул: «Ошибался».
И разом вдруг устал. И рядом лег
И тотчас же уснул. Во сне он улыбался.

* * *

«Мы все подохнем к концу апреля» –
Сказал капитан. И все согласились.
И льды, в которых мы напрочь сели
Не издевались над нашим бездельем
Бело молчали. И мы молчали
И вдруг точно выстрел – щелчок затвора
И тогда я увидел глаза майора
Голубые, без страха и без печали
И точно в замедленном кинофильме
И ствол карабина, идущий к горлу
И шомпол к курку. И острой финкой
Крик капитана: «Отставить!.. Майор Вам
Должно быть стыдно. Ведь Вы на службе
Жить и работать! Приказ Вам ясен?!»
И коку: «Удвоить паёк на ужин».
И тихо боцману: «Он не опасен».
Майор пошатнувшись прошёл меж нами.
Потупившись, мы на него не смотрели.
И вновь капитан: «Я вам напоминаю:
Мы все подохнем к концу апреля».

Только страстной строкой достигну
Цели. Стигмами заплачу:
Пресловутая сдержанность стиля –
Результат выгорания чувств,

Импотенции серого сердца
И диктата серой коры
Это игры – писать вприсесте
А свеча не стоит игры.

Я хочу, чтобы каждая строчка
Доставала до сердца навзрыд,
Чтоб как знак восклицательный точка
Восклицательный знак – как взрыв!

Только так. В накале. Сгорая.
Можно что-то всерьёз сказать

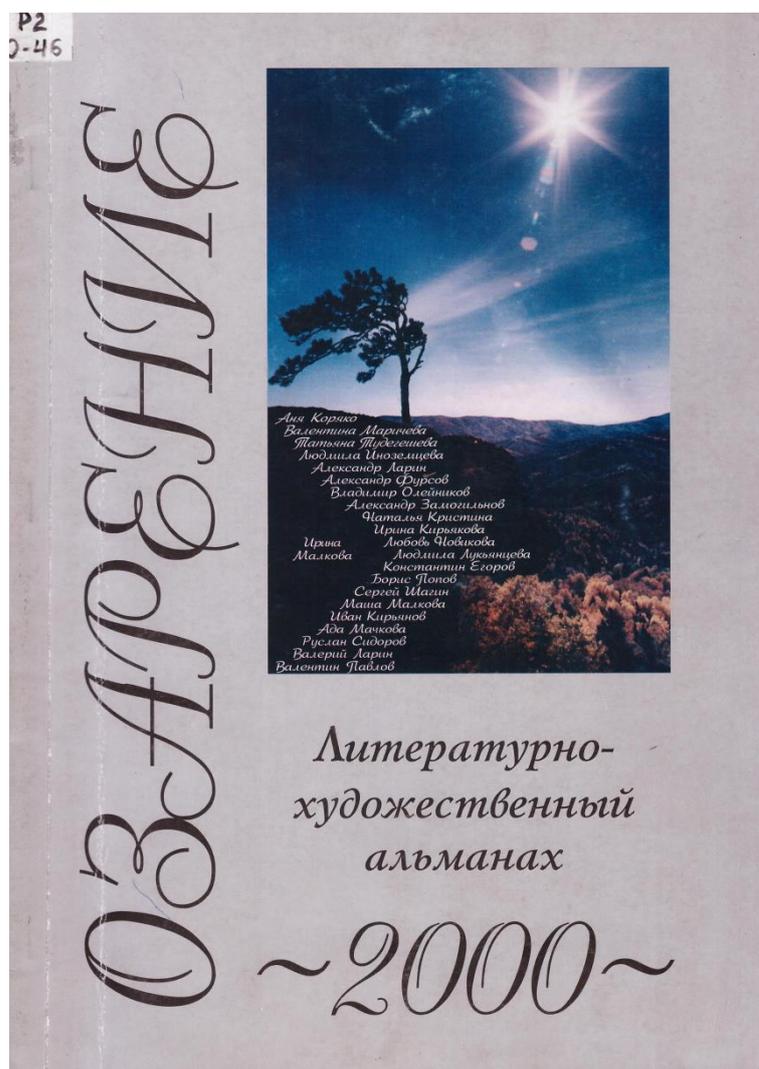
А потом в мастерство поиграем
И тогда уже: тормоза

Метафорика, филигранность.
Эстетический экзальтанс...
Но броню пробивает в брани
Только сила и красота.

Поиграем со временем
Заставим его лететь.
А потом тихо, неслышно,
почти замирая длиться.
И тут же: гикнуть и лихо
отплясывать степ.
Поиграем со временем,
как оно с нами играет.
Дадим времени фору. Пускай бежит
Пускай разрезают пространство колесики,
зубчики, стрелки
А потом догоним, отгоним за спиной,
оставляя жизнь.
А потом приземлимся и остановим время.
Сядем, а время оставим стоять
На одной ноге
Времени нарисуем шестерку
На другой тоже!
Состроим времени рожу
Кликнем в нее: «Э – ге – гей!»
Время уже ничего не может
Возвратить. Даже двинуться.
«Время замри!» – и время замерло –
Вот искусство.
А когда нам время скажет: «Умри».
Мы над ним сжались.
И отпустим.

Ничего в этой жизни не стоит того, чтоб **цепляться** всерьез
Или может быть, мне не везло, что не встретил такого.
И не то чтобы я расставался с любимым без слез
Но привязанность накрест прошитую знал только к слову
Жил без веры в себя. Недоверчив к другим и судьбе
Ныне верю в одно, пусть банально оно и убого:
Ничего из того, что возьмешь, не оставишь себе.
Ничего из того, что отдашь, не исчезнет с тобою.

В райкоме рая мне сказали: «Встань
На очередь за спецпайком и нимбом»
И секретарша (ангелица? Нимфа?)
Дыша амброзией на треугольный штамп,
Со вкусом припечатала листок...
– Мне б к Самому...
– А Он на **совещании**.
Я протянул ей зеркальце, духи
(безделки из архива Мандельштама).
Но не взяла. Но, улыбнувшись, встала
И прошептала: «Только за стихи...»

Примечание: орфография и пунктуация сохранены

Руслан Сидоров

Публикация в литературно-художественном альманахе «Озарение», 2000

Руслан Геннадиевич Сидоров

Родился в 1968 году в г. Новокузнецке. Окончив в 1985 году среднюю школу № 18, поступил на химфак КЕМГУ, где учился до 1991 года. Не закончил. Работал учителем химии, физики, астрономии, истории, репетиторствовал.

Существенную часть жизни занимает чтение литературы. В поэзии предпочтение отдает Иосифу Бродскому, в прозе – Андрею Платонову.

Начал писать в начале 90-х годов. Опубликовал первую книгу стихов «Не именуя» в 1998 году благодаря меценатству Михаила Симонова (фирма «Топс»).

Собственные стихи считает не продуктом творческих актов, но, скорее, психотерапевтическими процедурами, когда «молчать нет сил, кричать же – неохота».

В настоящий момент преподает историю в Новоильинской школе №94. Член творческого объединения «Еще не вечер».

Листья... Счастье ли в их лепете
Или беда.
Лето помню:
Были лебеди и лебеда.

Те – в пруду, а эта – около.
Колокола
Издалека били в облако...
Любовь была.

Лета лет. Великолепие.
Зеркальна гладь.
Сколько лет прошло?
Столетия.
(За память – «пять»).

Боль – как фон. На фоне – милое.
И так – дотла.
Мглой могильной
Помнишь, милая,
Любовь была.

Кончено! Конечно, так и нужно
Разом разрешать любую тяжбу.
Отчего же на душе недужно.
Отчего же на сердце
так тяжко.

Оттого что память –
Незабудка.
Оттого что совесть –
Недотрога.
Понемногу привыкаешь к Богу,
Точно к мысли,
Что мы все
ТАМ будем.

Бывает так:
Выходишь в ночь – февраль.
Раскалена и оголённа злоба
Зеленого небесного костра,
И тени пальцев веток на сугробах

Царапают затейливую вязь
Лежащей тени парковой ограды.
Сухою злостью февраля явьясь
Мороз добрее был твоей прохлады

Высокий скрип цыганских башмаков,
Пространство, в такт шагам, на части режет.
Бывает так серьезно нелегко! –
Что хочется трезветь как можно реже.

Шествие

Шагай нога. Шагай и шебурши
В сухой листве кладбищенских тропинок.
Здесь ночью только духи. Ни души.
Нешумно дышит под листвой суглинок.

Никто не спросит про державный путь.
Зачем кружим в крестах и старых звездах.
Шагай себе, не спрашивай и будь
Простою **гостьей** осени в погостах.

Сентябрьские прутьики шуршат,
Позванивая прутьями ограды.
Так много звезд! И никого нет рядом.
Так приучайся к вечности, душа.

Происхождение графомании

Мы не будем жить вечно
По крайней мере – здесь.
Это не повод, конечно,
Для паники и т.д.
Метому, коей море
Начинает скудеть.
Но Слово – горе. И горе
Только в дольней беде.

Говорение ради
Говорения. Для
Заполнения тетради
Плотью календаря.
Беглые времени – буквы
На решетке листа.
Мгновения – незабудки
Остановлены так.

Но потуда, покуда
Мы, так сказать, живем.
Вышнему чуду-юду
Выплачивая заём
Болью неосуществимых
«желаю, но не люблю».
Мы, точно девочка Грина,
Смотрим встречу кораблю.

Только Эгей и знает,
Что значит ждать и встречать.
История повторяет
Сама себя в мелочах.
Увидевший – снова черный,
Небритым ликом землист...
Упорным пером, пусть порно,
Но хронографирует лист.

Литературоведение

Как сустав из суставной сумки,
Стих сердцем выворочен из
Грудной клетки.
В выморочь ночи свет несущий
Данко.
Кто за ним? – слепы.

Занесешь над строкою руку.
Помедлишь. Так на курок
Нажимать не спешат.
Любовь и Разлука, и Мука –
Сестры? – Музы.
И мать им – Душа.